

MAGDALENA JANAS

UNIwersytet Jagielloński
Wydział Filologiczny
Instytut Filologii Wschodniosłowiańskiej
E-MAIL: JANAS.MAGDALENA@YANDEX.COM

«СКАЖИТЕ ГДѢ БЫТЬ ГА, И ГДѢ СТОЯТЬ ГЛАГОЛЮ?» (О ПРОИЗНОШЕНИИ ЗВУКА, ОБОЗНАЧАЕМОГО БУКВОЙ Г, В ЭПОХУ СТАНОВЛЕНИЯ НОРМ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА НОВОГО ТИПА)

АБСТРАКТ

Данная статья посвящается проблеме правильного озвучивания буквы *г* в XVIII-м веке в России. Исходной точкой являются две последние строки стихотворения М. В. Ломоносова *О сомнительном произношении буквы Г в Руссийском языке*, почти полностью составленного из слов, содержащих в себе знак *г*. Анализ произведения, направленный на ответ на вопрос, заданный поэтом в названном фрагменте (*От вас совета жду, я вам даю на волю: Скажите где быть га и где стоять глаголю?*), предваряется представлением истории праславянского звука *[g] в славянских языках, в частности, в русском, так как в ломоносовские времена в нем сосуществовали две артикуляционные нормы – со взрывным [g] и фрикативным [ɣ]. Поскольку сложившаяся на территории России двойная практика артикуляции стала одним из пунктов спора между поэтами-реформаторами (Ломоносовым, Тредиаковским и Сумароковым), пытающимися ввести единые орфографические правила, в статье приводятся взгляды названных писателей на интересующий нас вопрос, а также их критические высказывания на счет мнений соперников. В последней части статьи проводится анализ стихотворения М. В. Ломоносова, в котором учтено правильное произношение *г* во всех словах, составляющих данное произведение.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

М. В. Ломоносов, историческая фонетика русского языка, взрывное и фрикативное произношение *г*, нормы русского языка XVIII века

Введение

Обозначенный в заглавии вопрос в свое время был поставлен М. В. Ломоносовым в стихотворении, которое, по словам Б. А. Успенского, «не может не привлечь к себе внимания лингвиста – историка русского языка»¹. Художественное произведение, о котором идет речь, посвящено проблеме правильного озвучивания буквы *г* в русском языке XVIII-го века, что и подчеркивается в названии литературного, в общем-то, текста: «*О сомнительном произношении буквы Г в Российском языке*»².

Может быть, в наше время не всем – как иностранцам, изучающим русский язык, так и носителям языка – понятно, зачем было представлять как задачу для разрешения нечто совершенно очевидное, и почему вообще Ломоносов определил произношение буквы Г как «сомнительное». В отличие от сегодняшнего дня при жизни автора теории трех стилей проблема правильного прочтения буквенного знака *г* была не только актуальной, но даже стала поводом бурной полемики между творцами новых идей, направленных на реформу русской орфографии (речь идет о спорах между М. Ломоносовым, В. Третьяковым и А. Сумароковым).

В данной статье постараемся ответить на вопрос, заданный главным реформатором русского языка в середине XVIII-го века: «гдѣ быть га, и гдѣ стоять глаголю?». Признавая, что сделать это можно только на фоне представления лингвистической «обстановки» ломоносовского времени, прежде обратимся, однако, к освещению предыстории.

История праславянского *[g]

Как известно, праславянский звук *[g] на славянских территориях имеет ныне разные континуанты. Взрывное [g] является нормой для южнославянских языков (исключением являются некоторые запад-

¹ Б. А. Успенский, *Фонетическая структура одного стихотворения Ломоносова (Историко-филологический этюд)*, [в:] его же, *Избранные труды*, т. 2: *Язык и культура*, Москва 1994, с. 275.

² М. В. Ломоносов, *О сомнительном произношении буквы Г в российском языке*, [в:] *Полное собрание сочинений*, т. 8: *Поэзия, ораторская проза, надписи 1732–1764*, ред. С. И. Вавилова, Ленинград 1959, с. 580–583.

ные говоры словенского)³, а также для части западнорусских – польского, кашубского и нижелужицкого – языков⁴. В чешском же, словацком и верхнелужицком состоялся переход *g* в *h*, причем эта замена наблюдается с XIII столетия⁵.

На восточнославянской почве праславянское [g] реализовалось по-разному. В современном белорусском языке превалирует фрикативный звук [ɣ], хотя «norma języka literackiego dopuszcza fakultatywne warianty *h* (faryngalne) i *ɣ*»⁶; в украинском же преобладает фарингальное [h], которое иногда «wumawiane jest jako *ɣ*»⁷. Однако оба названных языка знают и взрывное [g] – оно, как правило, употребляется в заимствованиях (ср. бел. *ганак, гвалт, гузик*)⁸, а в украинской азбуке с XVII-го века (с перерывами)⁹ присутствует даже отдельный знак для его обозначения (ср. укр. *ганок, гвалт, гудзик*)¹⁰. Иные пробы графического разграничения вариантов исследуемого заднеязычного успеха не имели, однако известно, что в XIX столетии некоторые украинские авторы применяли для обозначения [g] знак *g* из латиницы (П. О. Куліш¹¹) или диграф *кz*¹² (А. Павловский¹³).

³ Ф. П. Филин, *Происхождение русского, украинского и белорусского языков*, Москва 2006, с. 244.

⁴ См.: там же; F. Stawski, *Języki słowiańskie, [w:] Języki indoeuropejskie*, t. 2, red. L. Bednarczuk, Warszawa 1988, s. 916, 926.

⁵ См.: E. Szczepańska, *Język czeski, [w:] Słowiańskie języki literackie. Rys historyczny*, red. B. Oczkowska, E. Szczepańska, Kraków 2011, s. 64.

⁶ H. Dalewska-Greń, *Języki słowiańskie*, Warszawa 2002, s. 103.

⁷ Там же.

⁸ См.: Е. Ф. Карский, *Бѣлоруссы*, т. 2: *Языкъ бѣлорусскаго племени. Исторический очеркъ звуковъ бѣлорусскаго наречія*, Варшава 1908, с. 16; Ф. М. Янкоўскі, *Гісторычна граматыка беларускай мовы*, Мінск 1983, с. 22.

⁹ Е. Ф. Карский, *Славянская кирилловская палеография*, Москва 1979, с. 183.

¹⁰ На протяжении XIX-го и в начале XX-го вв. знак *г* приводился в ряде украинских грамматик и словарей (ср. труды Е. Желеховского, О. И. Нечуй-Левицкого, М. П. Левицкого). Однако в 1933 году из-за политических мотивов букву исключили из украинской *абетки*. Ситуация в очередной раз меняется после распада Советского Союза – *г* снова вводится в употребление в 1990 году (ср. *Желехівка*, [в:] *Українська мова. Енциклопедія*, Київ 2004, с. 183; І. Нечуй-Левицький, *Грамматика українського языка*, [в:] *Історія українського правопису XVI–XX століття. Хрестоматія*, Київ 2004, с. 205; М. Левицький, *Українська грамматика для самовчання*, Катеринослав–Ляйпціг–Берлін 1923, с. 20–21; *Український правопис (1933)*, [в:] *Історія українського правопису XVI–XX століття. Хрестоматія*, с. 490, 509; Г., [в:] *Українська мова. Енциклопедія*, с. 127).

¹¹ См.: Кулішівка, [в:] *Українська мова. Енциклопедія*, с. 284–285.

Стоит добавить, что в некоторых современных восточнославянских говорах звуки [g], [ɣ] и [h] сосуществуют (данное явление касается, в частности, территорий, находящихся на стыке украинского, белорусского и русского языков)¹⁴.

В определении хронологии формирования системы, известной нам по нынешнему состоянию, ученые не имели и не имеют единой позиции. Некоторые, в их числе авторитетный А. А. Шахматов, утверждали, что фрикативное [ɣ] (наряду с взрывным [g] – МЯ) существовало еще в «общеславянском праязыке» – о чем, по мнению ученого, говорит широкая зона распространения данного звука¹⁵. Вопреки этому мнению большинство исследователей полагает, что первым этапом на пути становления современной системы был переход $g > \gamma$, состоявшийся еще до XI–XII вв.¹⁶, в результате чего образовалась «единая диалектная зона распространения γ »¹⁷. В свою очередь звук [h] появился позже – когда стал формироваться украинский язык¹⁸, т.е. приблизительно в XIII–XIV вв.¹⁹

¹² Интересно, что данный двузнак содержится в старейших памятниках западнорусской письменности, возникших еще в XIV-м веке (см.: Е. Ф. Карский, *Белорусы. Язык белорусского народа*, Москва 1955, с. 369).

¹³ См.: А. П. Павловський, *Грамматика малороссийского наречия, или грамматическое показание существеннейших отличий, отдаливших малоросское наречие от чистого русского языка, сопровождаемое разными по сему предмету замечаниями и сочинениями*, Санктпетербургъ 1818, с. 1.

¹⁴ См.: Ф. П. Филин, *Происхождение русского, украинского и белорусского языков*, с. 254.

¹⁵ См.: А. А. Шахматов, *Очеркъ древнѣйшаго періода исторіи русскаго языка*, Петроград 1915, с. 35, 178.

¹⁶ См.: М. А. Жовтобрюх, О. Т. Волох, С. П. Самійленко, І. І. Слинько, *Історична граматика української мови*, Київ 1980, с. 64; Ю. Шевельов, *історична фонологія української мови*, Харків 2002, с. 444.

¹⁷ Ф. П. Филин, *Происхождение русского, украинского и белорусского языков*, с. 247.

¹⁸ См.: там же.

¹⁹ Стоит тем не менее отметить, что названная датировка является условной, так как в ряде научных источников содержится информация о том, что изменения в области произношения праславянского *[g] могли начаться еще раньше (ср.: Е. Ф. Карский, *Бѣлорусы*, т. 1: *Введеніе въ изучение языка и народной словесности*, Варшава 1903, с. 87; Ю. Шевельов, *історична фонологія української мови*, с. 446; І. Огієнко, *Українська літературна мова XVI-го ст. і український крехівський апостол*, т. 1, Варшава 1930, с. 75).

Две нормы произношения в русском языке. Русские и иностранные источники сведений об употреблении [g] и [ɣ]

Относительно русского языка следует сказать, что с конца X – начала XI-го века (в зависимости от региона) нормой являлось произношение либо [g], либо [ɣ]²⁰. Таким образом, характер артикуляции *z* стал «одной из древнейших диалектных черт, противопоставлявших северные и южные восточнославянские говоры»²¹. При этом в записи [g] и [ɣ]/[h] обозначались одинаково (т.е. как *z*), но в ряде памятников письменности содержатся доказательства их артикуляционной дифференциации. О том, что под данным буквенным знаком на территории южнорусской диалектной среды скрывался фрикативный звук, свидетельствуют примеры спорадического смешения букв *z* и *x* (первые с XI-го столетия) или пропуска *z*, напр., *осподь*, *осподарь* (наблюдаются в текстах XI-го века, но более многочисленные и показательные фиксации относятся к XIV–XV ст.)²². Впрочем, такого рода отклонения от узуса встречаются также в рукописях севернорусского происхождения – в новгородских грамотах и псковских текстах, особенно XIV-го века (на этих территориях «современное диалектное произношение дает [ɣ]»)²³. Другим источником сведений о звучании *z* на севернорусских территориях может служить русско-немецкий разговорник Томаса Шрове (Shroue), который возник как пособие для ганзейских купцов, торгующих, как в самой рукописи сказано, с «русинами». Этот памятник письменности «rejestruje żywy język mówiony z wyrażnymi pskowsko-nowogrodzkimi naleciałościami gwarowymi»²⁴. На основании записей русских слов посредством знаков латинского алфавита можно утверждать, что *z* в основном произносилось на этих землях как [g]. Тем не менее, наблюдаются здесь также примеры (такие как: *Bohate – богат*, *Osteochg – острога*, *ospodar – господарь*, *Aspodu – господу*), ко-

²⁰ См.: В. В. Иванов, *Историческая грамматика русского языка*, Москва 1990, с. 91.

²¹ Б. А. Успенский, *История русского литературного языка (XI–XVII вв.)*, Москва 2002, с. 155.

²² См.: там же, с. 156–158.

²³ Тут необходимо сделать оговорку: следует полагать, что раньше (наверное, еще в XII-м веке) на этих территориях *z* произносили как [g], которое позднее было вытеснено фрикативным [ɣ] (там же, с. 156–157).

²⁴ „Ein Russisch Buch” Thomasa Shrouego. *Słownik i rozmówki rosyjsko-niemieckie z XVI wieku*, cz. II: *Transliteracja tekstu. Indeks wyrazów i form rosyjskich*, opr. A. Bolek, H. Chodurska, A. Fałowski, J. Kunińska, Kraków 1997, s. 9.

торые могут подтверждать фрикативное произношение звука. При этом некоторые фиксируемые с [ɣ] слова могли происходить из других наречий²⁵. Похожий памятник – русско-немецкий разговорник-словарь Тённиса Фенне – доставляет подобные сведения об озвучивании *z* на этих территориях. Как правило, букве *z* тут соответствует знак *g* – как в «обычных» русских словах, так и лексемах, относящихся к церковной жизни (ср. *knigu, ogon, duga, pogodia, grom, grad, sneg, august, igumen, gospodar, igratt, pirogi*)²⁶. Спорадически *z* отвечает *k* или *ch* (*пръзьъ* → *priek, круг воску* → *kruch voszku*), однако, так как запись в книге была ориентирована на звучание русских слов, такие несоответствия оправдываются действующими фонетическими законами. Также в этом памятнике имеются единичные примеры, которые могут свидетельствовать о фрикативном способе произношения *z* (ср. *aspodi, boh*²⁷, *bohat*).

Кроме разграничения «взрывной север – фрикативный юг» в XVII–XVIII вв. существовало также другое деление – не по территориальному признаку, а стилистическому. Как правило, в сфере церковного письма знак «глагол» обозначал фрикативный звук (независимо от того, русским или церковнославянским являлось отмеченное этой буквой слово). Здесь сказалось влияние украинского языка: в названный период на московских территориях активно действовали и отчасти предопределяли письменные и речевые правила украинские ученые священники²⁸, для которых именно фрикативное [ɣ] являлось нормой. Не случайно характеристикой высокого стиля русского языка и в позднейшее время – с XVIII-го до первой половины XIX-го вв. – также было фрикативное произношение звука, обозначаемого буквой *z*²⁹. Вследствие такой практики образуется вторая параллель «[g] в живом языке – [ɣ] в церковном чтении³⁰ и высоком стиле». Примечательно, что дольше всех фрикативный способ артикуляции *z* удерживается

²⁵ См.: там же, с. 13.

²⁶ Как приведенные здесь, так и представленные ниже примеры взяты из дигитализированной версии «русской книги» Фенне (см.: P. Hendriks, J. Schaeken, *Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian, Pskov 1607: An electronic text edition*, pp. 31–184).

²⁷ Во всем тексте разговорника такая запись наблюдается 7 раз, тогда как вариант с *g* употребляется гораздо чаще – в 126 примерах.

²⁸ См.: J. Rieger, *Z dziejów języka rosyjskiego*, Warszawa 1998, s. 63.

²⁹ Б. А. Успенский, *История русского литературного языка (XI–XVII вв.)*, с. 159.

³⁰ В церковном чтении такое фрикативное [ɣ] сохранилось до начала XX-го века – позже в духовных семинариях учат читать *z* как [g].

в словах, представляющих религиозную в основном тематику: *Бог, Господь, благо, богатый*³¹.

Примечательно, что не все источники, созданные иностранцами, оказавшимися на восточнославянских землях и пытавшимися зафиксировать свои наблюдения за речью окружающих, дают возможность представить системную разницу в звучании [g] и [ɣ]. Авторы-чужестранцы из Центральной Европы разницы в названных звуках не усматривали, а, вернее, ее не «слышали».

В 1690 году в Ницце был напечатан букварь чешского иезуита Иржи (Георгия) Давида *Exemplar characteris Moscovitico-Ruthenici duplicis biblici et usualis*. Названный памятник интересен тем, что в таблице, содержащей азбуку, произношение буквы *z* (названной как «Glagol vel Hlahol»³²) определено как «g. medium inter g. et h»³³.

Спустя шесть лет свет увидела *Grammatica Russica* немецкого филолога Г. В. Лудольфа. Согласно Борису Унбегауну, это «the first work which can legitimately claim the title»³⁴: в грамматике представлен именно русский, а не церковнославянский язык³⁵. Описывая кириллическую азбуку, Лудольф подает также сведения о произношении буквенных знаков (иногда приводя аналоги из западных языков). Букве *Г z* здесь сопутствует информация: «Glagol» / «valor: g»³⁶. В содержащемся в заключении раздела словарике автор представляет русское произношение представляемых слов (они записаны с помощью латинского алфавита). В передаче всех лексем, содержащих в себе *z*, присутствует латинская буква *g*, даже в тех случаях, если они имеют церковное происхождение (ср. *angel, bog, blagodariu, gosudar*)³⁷.

В отличие от исследователей русского языка из Центральной Европы белорусский просветитель Илья (Элиаш) Копиевский разницу

³¹ См.: Р. И. Аванесов, *Русское литературное произношение*, Москва 1968, с. 79.

³² *Exemplar characteris Moscovitico-Ruthenici duplicis biblici et usualis*, Nicea 1690.

³³ Там же.

³⁴ В. О. Unbegaun, *Russian Grammars before Lomonosov*, "Oxford Slavonic Papers" 1958, No. VIII, s. 100.

³⁵ Лудольф различает язык книг церковных, науки и образования vs язык повседневного общения и подчеркивает, что желает создать грамматику для тех, кто хочет научиться русскому разговорному языку, добавляя, что решил передавать слова так, как они произносятся (см.: Н. W. Ludolf, *Grammatica Russica quæ continet non tantum præcipua fundamenta russicæ linguæ, verum etiam Manuductionem quandam ad Grammaticam Slavonicam*, Oxonii [Oxford] 1696).

³⁶ Там же, с. 6.

³⁷ См.: там же, с. 9–10.

в произношении [g] и [ɣ] не мог не заметить, что и нашло отражение в сочинении его авторства – *Руководеніи въ грамматыку*, напечатанном в 1706 году. В начале книги, после титульного листа, представлен довольно обширный (насчитывающий почти 150 единиц) перечень русских слов с последующим переводом на латынь и немецкий язык. При словах *Голова*, *Гись* и *Глазь* (ошибочно записанный *глазь*) наряду с воспроизведенной обычной записью приводится смешанная, уточняющая произношение: *Галава*, *Гись*, *Глазь*³⁸. Вместе с тем автор выделяет и другой – фрикативный – способ артикуляции *g*, подтверждая тем самым уже отмеченный нами факт: слова церковного происхождения произносились с [ɣ] (ср. *Богъ*, *Вох* / *Гдъ бгъ*, *Носпод Вох* / *Аггль*, *Анхел*).

В то время, когда возникали вышеназванные «иностранные» труды, в России книжно-письменный язык еще не дождался строгой нормализации. Ситуация меняется в XVIII-м веке, когда вопрос о создании единых правил русской орфографии и грамматики обрел особую актуальность. Нормализовать язык пытались лучшие умы того времени – В. Тредиаковский, А. Сумароков и М. Ломоносов. Каждый из них представлял в своих сочинениях собственные концепции и одновременно пытался опровергнуть идеи соперников, показывая недостатки их помыслов.

Еще до издания первой печатной научной русской грамматики на русском языке (*Граматики* Ломоносова) в конце 40-х годов XVIII-го века свет увидел трактат об орфографии В. К. Тредиаковского. В *Разговоре между чужестраннымъ челоувкомъ і россійскімъ объ ортографіи старінной і новой і о всемъ что прінадлежитъ къ сей матеріи*, построенном по образцу *De recta latini graecique sermonis pronuntiatione* Эразма Роттердамского, были изложены взгляды автора на русский язык и его особенности, а также представлены предложения по введению изменений. *Голосом* Тредиаковского высказывается *россійский челоувек*, который в разговоре с чужестранцем разъясняет собеседнику тонкости русского языка. Из *Разговора* вытекает, что автор призывает к разрыву с традицией церковнославянской грамотности и высказывается за письмо, которое отражает живую речь³⁹. При этом авто-

³⁸ См.: Е. Коріjewitz, *Руководеніе въ грамматыку, во славяноросіискую или Московскую. Manuductio in grammaticam, In Slavonco Rosseanam Seu Moscoviticam*, Stoltzenberg 1706, с. 2–3.

³⁹ См.: В. К. Тредиаковский, *Разговоръ между чужестраннымъ челоувкомъ і россійскімъ объ ортографіи старінной і новой і о всемъ что прінадлежитъ къ сей матеріи*, [в:] *Сочинения Тредьяковскаго*, т. 3, Санктпетербургъ 1849, с. 284–285.

ром декларируется, что русский и церковнославянский – это один и тот же язык⁴⁰. По интересующему нас вопросу *российский человек* утверждает, что «сіе безъ всякаго есть спора, что всѣ мы россияне нашъ (г) проісносімъ какъ латинское (h)»⁴¹, а еще что в русской азбуке недостает одной буквы, «которой надобно быть подобной звономъ латинскому (g)»⁴². Поэтому «для фрикативного южнорусского звука он предлагал сохранить старый добрый „глаголь“, „пошлое“ же народное „г“ означать впередь при помощи какого-либо нового и специального знака»⁴³. В качестве такой новой буквы, которая должна обозначать [g], Тредиаковский предлагает «га» (Г), хотя сам при этом хорошо осознает, что ввести новый знак вряд ли удастся⁴⁴.

В 1755 году была издана *Российская грамматика* М. В. Ломоносова – сочинение, состоявшее из шести частей (*наставлений*), первые из которых посвящены общим вопросам фонетики. Автор отчетливо разделяет два способа артикуляции г – «Г [въ словѣ глазъ]», которое произносится как «g Латинское съ а, о и», и «гортанное» «Г [въ благо]», артикулируемое как «греческое или картавые *рцы*»⁴⁵, а затем представляет своеобразные нормативы озвучивания данной буквы в зависимости от типа слова, места нахождения знака в лексеме и т.д.⁴⁶ Ломоносовские *инструкции* позже повторялись в грамматиках других авторов (в том числе у Н. Курганова, Н. Греча, А. Барсова)⁴⁷. Согласно всем этим ученым, правильным должно считаться произношение г как [g] и лишь иногда буква г произносится как «у Иностранныхъ h. Сіе произношеніе осталось отъ Славенскаго языка»⁴⁸.

⁴⁰ Там же, с. 202.

⁴¹ Там же, с. 260.

⁴² Там же.

⁴³ Л. В. Успенский, *По закону буквы*, Москва 1973, с. 96–97.

⁴⁴ См.: В. К. Тредиаковский, *Разговоръ между чужестраннымъ человекомъ і російскімъ объ ортографіи старинной і новой і о всемъ что принадлежитъ къ сей матеріи*, с. 261–262.

⁴⁵ М. В. Ломоносов, *Российская грамматика*, Санктпетербургъ, 1755, с. 17.

⁴⁶ См.: там же, с. 48.

⁴⁷ Ср.: Н. Г. Курганов, *Писмовникъ*, Санкт-Петербург 1793, с. 97; Н. И. Греч, *Начальныя правила русской грамматики*, Санктпетербургъ 1830, с. 119; *Российская грамматика Антона Алексеевича Барсова*, ред. М. Д. Потаповой, Москва 1981, с. 43.

⁴⁸ М. В. Ломоносов, *Российская грамматика*, с. 48.

Анализ стихотворения М. В. Ломоносова

Не подлежит сомнению, что автор *Российской грамматики*, хотя и не считал необходимым вводить отдельную букву для обозначения дифференциации [g] и [ɣ], различал фрикативный и взрывной звуки, которые могли скрываться под знаком *з*.

Не написал он, однако, очередную научную диссертацию или трактат, а сочинил произведение, которое будучи шутивным стихотворением, концентрирует в себе всю сложность сложившегося тогда в языке положения. В начале настоящей статьи мы только упомянули о существовании этого литературного текста и представили две его последние строки, теперь приводим полное содержание:

О Сомнительном Произношении Буквы Г в Российском Языке:

Бугристы берега, благоприятны влаги,
 О горы с гроздами, где греет юг ягнят.
 О грады, где торги, где мозгокружны браги,
 И деньги, и гостей, и годы их губят.
 Драгие ангелы, пригожие богини,
 Бегущие всегда от гадкия гордыни,
 Пугливы голуби из мягкого гнезда,
 Угодность с негою, огромные чертоги
 Недуги наглые и гнусные остроги,
 Богатство, нагота, слуги и господа.
 Угрюмы взглядами, игрени, пеги, смуглы,
 Багровые глаза, продолговаты, круглы,
 И кто горазд гадать и лгать, да не мигать,
 Играть, гулять, рыгать и ногти огрызать,
 Ногаи, болгары, гуроны, геты, гунны,
 Тугие головы, о иготи чугунны,
 Гневливые враги и гладкословный друг,
 Толпыги, щеголи, когда вам есть досуг.
 От вас совета жду, я вам даю на волю:
 Скажите, где быть *га* и где стоять *глаголю*?

Особенностью данного произведения является то, что оно полностью (кроме двух последних строчек) состоит из слов, содержащих букву *з*. Как мы отметили прежде, вопрос ее правильного озвучивания предопределялся стилистической отнесенностью слова (высокий / низкий стиль, книжная / разговорная речь), его происхождением (русское / церковнославянское), а также контекстом употребления (по-

скольку одно и то же слово могло иметь разные значения в церковнославянском и русском языках) и тем обстоятельством, кто был автором текста / высказывания.

С учетом всех этих параметров слова и выражения рассматриваемого стихотворения Ломоносова можно разделить на те, которые:

- как правило, следует читать с [γ];
- произносятся исключительно со взрывным [g];
- имеют двойное произношение.

Б. А. Успенский в своей статье, посвященной этому тексту⁴⁹, разместил перечень всех употребленных в нем слов наряду со сведениями о предполагаемом способе чтения. В основу артикуляционных характеристик легли данные, почерпнутые, в частности, из Словаря Академии Российской 1789 года, а также грамматических пособий и произведений как М. Ломоносова, так и других писателей его времени. Результаты исследований ученого по разграничению пары «взрывной [g] – фрикативный [γ]» представим в наиболее лаконичной форме – как графическое изображение фонетической структуры стихотворения. Вопросительный знак в данной схеме означает, что произношение может быть двояким, а его выбор зависит от контекста.

1. g – g – γ – γ
2. γ – γ – γ – g – g – g
3. γ – γ – g – γ – γ – g
4. g – γ – g – γ
5. γ – γ – g – g
6. γ – γ – γ – γ
7. g – g – γ – γ
8. γ – γ – γ – γ
9. γ – γ (?) – γ – γ (?)
10. γ – γ – γ – γ
11. g – g – g – g
12. g – g – g – g
13. g – g – g – g
14. g – g – g – g – g
15. g – g – g (?) – g – g (?)
16. g – g – g – g
17. γ – γ – γ – γ
18. g – g – γ – γ

⁴⁹ См.: Б. А. Успенский, *Фонетическая структура одного стихотворения Ломоносова*, с. 215–229.

Последние две строки (*От вас совета жду, я вам даю на волю: Скажите, где быть га и где стоять глаголю?*), не учтенные в анализе, явно указывают, в ответ кому поэт-реформатор сочинил данное стихотворение – автор использует здесь название буквы, предлагаемой как графическую инновацию именно Третьяковским.

Парадоксально, но в основе разногласий Ломоносова и Третьяковского можно усмотреть сходство, проявляющееся в одинаковой трактовке базы формирующегося русского литературного языка, которую оба усматривали в местных *наречиях*. Однако если Третьяковскому близки были родные ему астраханские (южнорусские) говоры, в которых узусной нормой являлось фрикативное [γ], Ломоносов равнялся на особенности холгоморского севернорусского наречия. На позицию Третьяковского могло повлиять также убеждение, согласно которому он отождествлял русский и церковнославянский языки, а, как мы отметили выше, церковнославянская практика с XVII-го века декларировала фрикативное озвучивание *г*.

Позиции и высказывания двух именитых соперников стали объектом критических отзывов третьей стороны спора – А. П. Сумарокова. О *Грамматике* Ломоносова он писал, что она «никакимъ Ученымъ Собраніемъ не утверждена, и по причинѣ что онъ Московское нарѣчіе въ Колмогорское превратилъ, вошло в нее множество порчи языка»⁵⁰. Третьяковского же Сумароков упрекал в том, что тот «старался наше правописание испортити простонароднымъ нарѣчіемъ, по которому онъ и свое правописание располагалъ»⁵¹. Оценкой предложения Третьяковского о введении буквы «га» можно считать слова Сумарокова, будто каждый и так отличает Г. Г от Г. Н⁵².

Итоги

Как мы старались засвидетельствовать, небольшое литературное произведение оказалось в состоянии не только представить одно из вариантов фонетических проявлений русского языка в переломное время, но и продемонстрировать, как судьба буквы и обозначаемых ей звуков способна отразить масштабные процессы формирования норм,

⁵⁰ А. П. Сумароков, *О правописаніи*, [в:] *Полное собраніе сочиненій въ стихахъ и прозѣ, покойнаго Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника, Ордена св. Анны Кавалера и Лейпцигскаго Ученаго Собранія Члена, Александра Петровича Сумарокова*, ч. X, ред. Н. Новикова, Москва 1787, с. 38.

⁵¹ Там же, с. 15.

⁵² См.: там же, с. 44.

следствия противостояния церковнославянского и русского языковых начал, а также воздействия иноязычных (пусть и близкородственных – в данном случае украинских) влияний.

С учетом отчетливо обозначившегося во времена М. Ломоносова и постоянно растущего позже доминирования в русском литературном языке собственнорусской, а не церковнославянской стихии, победу одержал, конечно же, М. Ломоносов, и, как следствие, в настоящее время нормативным в русском языке считается взрывное произношение [g].

«СКАЖИТЕ ГДѢ БЫТЬ ГА, И ГДѢ СТОЯТЬ ГЛАГОЛЮ?»

(O WYMOWIE DŹWIĘKU OZNACZONEGO LITERĄ Г

W OKRESIE KSZTAŁTOWANIA SIĘ NORMY ROSYJSKIEGO JĘZYKA LITERACKIEGO)

STRESZCZENIE

Niniejszy artykuł poświęcony jest przedstawieniu problemu prawidłowej artykulacji dźwięku oznaczonego znakiem *г* w osiemnastowiecznej grafice rosyjskiej. Punktem wyjścia rozważań są dwa ostatnie wersy wiersza Michaiła W. Łomonosowa *O сомнительном произношении буквы Г в Росийском языке*, niemal w całości składającego się ze słów zawierających *г*. Analiza utworu pod kątem odpowiedzi na pytanie zawarte we wskazanym fragmencie (*От вас совета жду, я вам даю на волю: Скажите, где быть га и где стоять глаголю?*) poprzedzona została krótkim szkicem historii rozwoju prasłowiańskiego *[g] w różnych językach słowiańskich. Szczególną uwagę poświęcono dziejom danego dźwięku w językowym areale Słowiańszczyzny wschodniej, przede wszystkim zaś w języku rosyjskim. Współistniały tu dwie normy artykulacji – [g] wybuchowe i [ɣ] frykatywne. Wymowa tych dźwięków dzieliła obszar języka rosyjskiego na dwie części – północną i południową. Później dyferencja [g] i [ɣ] odzwierciedlała zróżnicowanie stylistyczne i pochodzenie wyrazów. W artykule wykorzystano informacje ze źródeł zarówno wschodniosłowiańskich, jak i zachodnioeuropejskich.

Zaznaczone wyżej współwystępowanie dźwięków [g] i [ɣ], oznaczanych w piśmie znakiem *г*, było jednym z przedmiotów sporu, który w XVIII wieku rozgorzał między znamienitymi rosyjskimi pisarzami – Michaiłem Łomonosowem, Wasilijem Triediakowskim i Aleksandrem Sumarokowem, którzy chcieli doprowadzić do reformy i ujednoczenia ortografii. W danym artykule zaprezentowano poglądy wymienionych wyżej autorów na temat normy dotyczącej wymowy omawianych dźwięków oraz krytykę ich oponentów.

W świetle przedstawionych informacji można konstatować, iż w sporze XVIII-wiecznych rosyjskich poetów-reformatorów zwyciężył właśnie Łomonosow, gdyż głoszone przezeń poglądy dotyczące prawidłowej wymowy *г* stały się normatywne w rosyjskim języku literackim.

SŁOWA KLUCZOWE

Michaił Łomonosow, fonetyka historyczna języka rosyjskiego, wybuchowe i frykatywne *г*, normy języka rosyjskiego XVIII wieku

«СКАЖИТЕ ГДѢ БЫТЬ ГА, И ГДѢ СТОЯТЬ ГЛАГОЛЮ?»
 (ABOUT THE PROPER PRONUNCIATION OF A SOUND, DESIGNATED AS A LETTER Г
 IN ERA OF FORMATION OF A NEW TYPE OF RUSSIAN LITERARY LANGUAGE)

ABSTRACT

This article is focused on the problem with correct pronunciation of letter *z* in the 18th century Russia. Starting point for this consideration were the last two verses of Lomonosov's poem *О сомнительном произношении буквы Г в Российском языке*, almost entirely consisting of words containing the sign *z*. The analysis of composition – directed at answering the question given in named fragment (*От вас совета жду, я вам даю на волю: Скажите где быть га и где стоять глаголю?*) – is preceded by short history of Proto-Slavonic sound *[g] in Slavic languages. Special attention was paid to Russian language for the reason that in Lomonosov's times co-existed two norms of reading *z* – plosive ([g]) and fricative ([ɣ]). Each of them had certain rules of usage and had been typical for specific dialects. This double articulation standard became one of the points of the dispute between eminent poets-reformers (Lomonosov, Trediakovsky and Sumarokov). Article presents opinions of writers, together with their critical statements against the ideas of adversaries. In the last part of this paper the analysis of Lomonosov's poem is conducted.

KEYWORDS

Mikhail Lomonosov, historical phonetics of Russian language, plosive [g], fricative [ɣ], XVIIIth century

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Dalewska-Greń H., *Języki słowiańskie*, Warszawa 2002.
2. „Ein Russish Buch” Thomasa Shrouego. *Słownik i rozmówki rosyjsko-niemieckie z XVI wieku*, cz. II: *Transliteracja tekstu. Indeks wyrazów i form rosyjskich*, opr. A. Bolek, H. Chodurska, A. Fałowski, J. Kunińska, Kraków 1997.
3. *Exemplar characteris Moscovitico-Ruthenici duplicis biblicis et usualis*, Nicea 1690.
4. Hendriks P., Schaeken J., *Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian, Pskov 1607: An electronic text edition*, [online] <https://openaccess.leidenuniv.nl/bitstream/handle/1887/17831/fenne11.pdf?sequence=1>.
5. Коріjewитз Е., *Руководеніе въ грамматики, во славяноросійскую или Московскою. Manuductio in grammaticam, In Slavonco Rosseanam Seu Moscoviticam*, Stoltzenberg 1706.
6. Ludolf H. W., *Grammatica Russica quæ continet non tantum præcipua fundamenta russicæ linguæ, verum etiam Manuductionem quandam ad Grammaticam Slavonicam*, Oxonii [Oxford] 1696.
7. Rieger J., *Z dziejów języka rosyjskiego*, Warszawa 1998.
8. Sławski F., *Języki słowiańskie*, [w:] *Języki indoeuropejskie*, t. 2, red. L. Bednarczuk, Warszawa 1988, s. 907–1004.
9. Szczepańska E., *Język czeski*, [w:] *Słowiańskie języki literackie. Rys historyczny*, red. B. Oczkowska i E. Szczepańska, Kraków 2011, s. 43–66.

10. Unbegaun V. O., *Russian Grammars before Lomonosov*, "Oxford Slavonic Papers" 1958, No. VIII, s. 98–116.
11. Аванесов Р. И., *Русское литературное произношение*, Москва 1968.
12. Греч Н. И., *Начальные правила русской грамматики*, Санктпетербургъ 1830.
13. Жовтобрюх М. А., Волох О. Т., Самійленко С. П., Слинько І. І., *Історична грамати́ка української мови*, Київ 1980.
14. Иванов В. В., *Историческая грамматика русского языка*, Москва 1990.
15. Курганов Н. Г., *Писмовникъ*, Санкт-Петербург 1793.
16. Карский Е. Ф., *Белорусы. Язык белорусского народа*, Москва 1955.
17. Карский Е. Ф., *Бѣлорусы*, т. 1: *Введеніе въ изученіе языка и народной словесности*, Варшава 1903.
18. Карский Е. Ф., *Бѣлоруссы*, т. 2: *Языкъ бѣлорусскаго племени. Исторический очеркъ звуковъ бѣлорусскаго наречія*, Варшава 1908.
19. Карский Е. Ф., *Славянская кирилловская палеография*, Москва 1979.
20. Левицький М., *Українська грамати́ка для самовчання*, Катеринослав–Ляйпціг–Берлін 1923.
21. Ломоносов М. В., *О сомнительном произношении буквы Г в российском языке*, [в:] *Полное собрание сочинений*, т. 8: *Поэзия, ораторская проза, надписи 1732–1764*, ред. С. И. Вавилова, Ленинград 1959, с. 580–583.
22. Ломоносов М. В., *Россійская грамматика*, Санктпетербургъ 1755.
23. Нечуй-Левицький І., *Грамати́ка українського языка*, [в:] *Історія українського правопису XVI–XX століття. Хрестоматія*, Київ 2004, с. 192–204.
24. Огієнко І., *Українська літературна мова XVI-го ст. і український крехівський апостол*, т. 1, Варшава 1930.
25. Павловський А. П., *Грамматика малороссийского наречия, или грамматическое показание существеннейших отличий, отдаливших малоросское наречие от чистого российского языка, сопровождаемое разными по сему предмету замечаниями и сочинениями*, Санктпетербургъ 1818.
26. *Российская грамматика Антона Алексеевича Барсова*, ред. М. Д. Потаповой, Москва 1981.
27. Сумароков А. П., *О правописаніи*, [в:] *Полное собраніе сочиненій въ стихахъ и прозѣ, покойнаго Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника, Ордена св. Анны Кавалера и Лейпцигскаго Ученаго Собранія Члена, Александра Петровича Сумарокова*, ч. X, ред. Н. Новикова, Москва 1787.
28. Тредиаковский В. К., *Разговоръ между чужестраннымъ чельовкомъ і російскімъ объ ортографіі старінной і новой і о всемъ что пріналежитъ къ сей матеріі*, [в:] *Сочинения Тредьяковскаго*, т. 3, Санктпетербургъ 1849, с. 1–316.
29. *Українська мова. Енциклопедія*, Київ 2004.
30. *Український правопис (1933)*, [в:] *Історія українського правопису XVI–XX століття. Хрестоматія*, с. 487–514.
31. Успенский Б. А., *История русского литературного языка (XI–XVII вв.)*, Москва 2002.
32. Успенский Б. А., *Фонетическая структура одного стихотворения Ломоносова (Историко-филологический этюд)*, [в:] *его же, Избранные труды*, т. 2: *Язык и культура*, Москва 1994, с. 275–330.
33. Успенский Л. В., *По закону буквы*, Москва 1973.

34. Филин Ф. П., *Происхождение русского, украинского и белорусского языков*, Москва 2006.
35. Шахматов А. А., *Очеркъ древнѣйшаго періода исторіи русскаго языка*, Петроград 1915.
36. Шевельов Ю., *історична фонологія української мови*, Харків 2002.
37. Янкоўскі Ф. М., *Гістарычна граматыка беларускай мовы*, Мінск 1983.